

А.В.Порошин, студент IV курса Факультета прикладной политологии Национального Исследовательского Университета Высшая Школа Экономики (НИУ ВШЭ). Контактный телефон: +79175522091, e-mail: caunte@gmail.com.

Авторитарные режимы с доминантной партией: основные свойства и факторы устойчивости

Dominant party authoritarian regimes: key characteristics and reasons for stability

Аннотация

В основе устойчивости авторитарных режимов с доминантной партией лежит сильный перевес власти над оппозицией в ресурсах. Ресурсное богатство доминирующей партии позволяет ей активно задействовать стратегии патронажа для завоевания массовой поддержки режима, а ресурсная бедность её конкурентов подрывает их конкурентоспособность. Оппозиция выглядит непривлекательно для прагматически-ориентированных политиков, становясь более идеологизированной и, как следствие, более далёкой от предпочтений медианного избирателя, завоевание симпатий которого необходимо для победы на выборах. Применение фальсификаций результатов выборов и использование репрессий против оппонентов правящей партии носит ограниченный характер и не играет определяющей роли в успехе такого рода режимов.

Abstract

At the heart of stability of authoritative modes with prepotent party strong overweight of the power over opposition in resources lies. The resource riches of dominating party allow it to involve actively strategy of home nursing for a gain of mass support of a mode, and resource poverty of its competitors undermines their competitiveness. The opposition looks unattractively for the pragmatically-focused politicians, becoming more идеологизированной and, as consequence, farther from preferences медианного the voter which gain of sympathies is necessary for a victory on elections. Application of falsifications of results of

elections and use of reprisals against opponents of party in power has the limited character and doesn't play a defining role in success of such modes.

Ключевые слова

Авторитарный режим, доминантная партия, выборы, элита, оппозиция.

Key words

Authoritarian regime, dominant party, elections, elite, opposition.

Общие сведения и совокупность анализируемых режимов

В течение XX века в мире получили широкое распространение такие режимы, которые подразумевали существование демократических политических институтов, конкуренцию между партиями и регулярное проведение выборов на альтернативной основе, но при этом одна из партий завоёвывала господствующее положение и удерживала его на протяжении нескольких десятилетий. Наиболее часто используемым методом сохранения такого доминирования являлись авторитарные инструменты.

В ходе работы предстоит проанализировать типичные особенности, характерные для авторитарных режимов с доминирующей партией.

Для этого следует:

- Выявить ключевые характеристики доминантных партий, отличающих их от всех остальных партийных образований;
- Определить значимость различий между демократическими и авторитарными режимами с доминирующей партией;
- Описать основные и наиболее универсальные характеристики контекста функционирования авторитарных режимов с доминантной партией.

В целом исследовательский интерес будет сфокусирован на авторитарном политическом контексте, в условиях которого

функционируют доминантные партии, а также на институциональных особенностях и той роли, которую играют такого рода партийные структуры, в рамках той или иной политической системы.

Автократические режимы с доминирующей партией среди всех недемократических режимов являются наиболее эффективными в плане их долговременной устойчивости [Huntington, Moore, 1968]. Многие подобные автократии, классическим примером которой является случай Мексики в период с 1929 по 2000 годы, не отказывались от проведения электоральных процедур на конкурентной основе, при этом на выборах раз от раза побеждала доминирующая партия.

К такого рода режимам можно также отнести случай Сенегальской социалистической партии (правила 40 лет): с образования независимого государства в 1960 году через становление многопартийной системы в 1976 году вплоть до 2000 года, когда кандидат от доминирующей партии (Абду Диуф) проиграл президентские выборы во втором туре представителю оппозиции – Абдулле Ваду.

Если переместиться с западного на другое побережье Африки (восточное), то можно увидеть примеры Танзании и Кении. В первом случае доминантная партия («Партия революции») руководит страной с 1964 года по настоящее время, но до 1992 года это делалось в условиях непроведения избирательных процедур. А в случае другой восточно-африканской страны – Кении – Кенийский Африканский Национальный Союз, сформировавшись из двух крупнейших движений за независимость государства по сути превратился в единственного политического субъекта страны, когда была запрещена деятельность другой политической партии (Кенийского Народного Союза), а её лидеры были заключены в тюрьму. В 2002 году фактически однопартийному государству пришёл конец: на

президентских выборах во втором туре убедительную победу одержал кандидат от оппозиции - Муай Кибакки.

Хватает примеров такого рода систем и за пределами Африки, например, в Азии. В Малайзии хоть и существует относительно активная политическая конкуренция между несколькими партиями, но оппозиционные партии оказываются неспособны сместить с руководящих позиций доминантную коалицию («Национальный Фронт»), наибольший вес в которой имеют три партии – Объединённая Национальная Организация Малайцев, Индийский Конгресс Малайзии и Китайская Ассоциация Малайзии [Mauzy, 2006]. Это объединение партий удерживает власть в Малайзии, начиная с 1957 года.

Другой весьма характерный пример – Тайвань, где доминирующая партия Гоминьдан сохраняла себя у власти в течение 40 лет в условиях объявленного военного положения. Но в середине 1980-х годов Тайвань начала идти по пути демократизации: в частности представители оппозиционных партий могли теперь участвовать в выборах не в качестве независимых кандидатов, а под собственной партийной вывеской. В 1994 году в Тайване была проведена конституционная реформа, в результате которой в стране были учреждены прямые всенародные выборы Президента страны, которые впервые должны были состояться в 1996 году. Но победу на них в итоге всё же одержал действующий президент – Тен Ху Ли. При этом он уже не мог опираться на подавляющее большинство своей партии в парламенте и вынужден был вести торг с оппозицией. В 2000 году доминировавшая в течение многих десятилетий политическая сила потерпела окончательное поражение.

Доминантные партии в условиях авторитарных политических режимов часто встречаются в развивающихся или, более конкретно, полуразвитых странах. Все классические авторитарные режимы с доминирующей партией на момент функционирования в них такого рода

систем не были развитыми странами и проходили с разной степенью интенсивности период социально-экономической модернизации. Безусловно, все эти страны имеют много различий между собой: и природных, и геополитических, и экономических, и расово-этнических, и религиозных.

Перевес в ресурсах как ключ к обеспечению устойчивого доминирования

Доминантная партия имеет два важнейших преимущества перед оппозицией: сильный перевес в ресурсах, а также возможность значительно повышать издержки участия акторов в конкурирующих партиях и голосования избирателей за них ходе выборов. В данной главе будет рассмотрено первое преимущество.

Доминантная партия имеет исключительный доступ к государственным ресурсам, чего лишены оппозиционные партии. Как правило, при этом значительная доля собственности в экономике либо непосредственно находится в руках государства в виде предприятий с полным или частичным государственным участием [Magaloni, 2006, p.155], либо им неформально контролируется. Логично предположить, что в таких условиях ресурсы частного сектора не столь широки по своим масштабам [Greene, 2006, p.22].

Вдобавок к этому, в такого рода авторитарных режимах представители крупного и среднего бизнеса из частного сектора не имеют значимых стимулов вкладывать собственные ресурсы в оппозиционные политические силы, в основном не в силу того, что они заведомо бесперспективны в борьбе против доминирующей партии, а ввиду того, то правящий режим имеет возможность «наказывать» (разными способами) таких предпринимателей за финансирование оппозиции. Также правящий режим в такого рода режимах осуществляет политический контроль над

бюрократией (в том числе над избирательными комиссиями, что имеет огромное значение) и судебной властью, что позволяет ему при необходимости не допускать тех или иных кандидатов к выборам, а также искажать результаты голосования в свою пользу.

Во многом устойчивое и длительное доминирование партий в условиях авторитаризма обеспечивается путём исключительного доступа к государственным ресурсам, которые при этом играют центральную роль в экономике и политике. Для выживания режима с доминирующей партией именно ведущая роль государственного, а не частного сектора, особенно важна. Для оппозиции доступ к этим ресурсам чаще всего закрыт, а в условиях давления государства на частный бизнес рассматривать последний в качестве потенциального поставщика ресурсов оппонентам режима обычно не приходится. Именно поэтому необходимо отметить, что масштабы государственного сектора в экономике в данном случае простираются далеко за рамки сугубо формального официального участия. Правящий режим обычно устанавливает такую модель отношений с бизнесом (прежде всего крупным), при которой одни представители последнего непосредственно вкладывают собственные ресурсы в пользу доминантной партии, либо оказывают ей косвенную ресурсную поддержку через отказ от сотрудничества с её конкурентами из оппозиционных партий.

Доминирующая партия за счёт огромного перевеса в ресурсах получает множество других, более конкретных преимуществ, из которых следует выделить два наиболее важных. Во-первых, ресурсно-богатые партии привлекают лучших, наиболее харизматичных, популярных и компетентных политиков [Zaller, 1998]. Так происходит не только в условиях авторитарных режимов, но и в странах с устоявшейся демократией, например, в США [Stone, Maisel, Maestas, 2004]. Но именно в

авторитарных режимах с доминирующей партией перевес правящего режима над оппозицией в ресурсах достигает огромных масштабов.

Доминантная партия фактически располагает монопольным доступом к широкому ряду различных ресурсов, произрастающих как из государственного, так и из частного сектора. Оппозиция же в таких условиях зачастую не может всерьёз рассчитывать на какое-либо устойчивое финансирование со стороны бизнеса, как по причине низких шансов таких партий на победу, так и в силу высокой вероятности негативных санкций, включая репрессии, со стороны государства, что сильно повышает издержки действий [Greene, 2007, p.41], связанных с поддержкой предпринимателями конкурентов правящего режима.

Таким образом, важен даже не ресурсный перевес как таковой и даже не его колоссальная величина, а фактическое отсутствие ресурсов в распоряжении оппозиционных партий. Именно это не позволяет оппозиционным организациям выступать в роли привлекательных структур для притока конкурентоспособных лидеров, нацеленных не столько на демонстрацию собственного несогласия с режимом и выражения своих политических взглядов (как большинство членов такого рода структур в условиях авторитарного доминирования одной партии), сколько на борьбу за власть, то есть достижение прагматических целей. Именно поэтому ресурсная бедность оппозиционных партий во многом и предопределяет их нишевую ориентацию, далёкую от предпочтений медианного избирателя и, следовательно, неспособную принести партии победу на выборах.

Иными словами, в условиях огромного преимущества в ресурсах доминантной партии над оппозиционными организациями последние всегда имеют меньшую вероятность победы на выборах, чем первые независимо от того, какие избирательные стратегии и предвыборные технологии они используют. Как следствие, ресурсно бедные

оппозиционные партии в условиях авторитарного режима с доминантной партией фактически не могут существовать в качестве прагматически-ориентированных структур [Ibid, p.52], нацеленных прежде всего на замещение государственных должностей, а не на выражение собственной политической позиции. Кроме того, оппозиция в авторитарных режимах с доминирующей партией испытывает значительные трудности в достижении координации. Вследствие дефицита ресурсов на поверхность выходят усиливающиеся идеологические разногласия, но также могут играть немалую роль и этнические размежевания (когда партии имеют сильную привязку к той или иной национальной группе), и персональная вражда между лидерами разных оппозиционных структур.

Схожие примеры можно найти и в других режимах с доминирующей партией. Например, в Сенегале оппозиция была тоже значительно фрагментирована по идеологическому признаку, что во многом способствовало сохранению господства Социалистической партии на протяжении 23 лет регулярных многопартийных выборов вплоть до 2000 года [Diaw, Diouf, 1998, p.135]. Тогда в ходе президентской кампании представитель доминировавшей Социалистической партии А.Диуф не сумел набрать абсолютного большинства (50% плюс один голос) для того, чтобы праздновать победу уже по итогам первого тура, довольствовавшись всего 41% голосов избирателей. В преддверии второго тура оппозиционные силы, не испытывавшие этнических размежеваний и придерживающихся весьма близких (а именно левых) убеждений [Magaloni, 2006, p.24], сформировали объединённый альянс в поддержку вышедшего во второй тур А.Вада, который в итоге и победил, набрав более 58% голосов избирателей. В Малайзии три главные оппозиционные партии, такие, как Партия Демократического Действия, Партия Народной Справедливости и Всемалайская Исламская Партия испытывают гнёт сильных различий между друг другом на пути к объединению против

правлящего Альянса во главе с Объединённой Малайской Национальной Организацией.

Эти различия проистекают не столько из разногласий в программных взглядах и политических убеждениях, сколько являются продуктом этнических размежеваний и сильных региональных идентичностей, так как абсолютное большинство партий (как правящих, так и оппозиционных) тяготеют к отражению интересов определённых территориальных образований и национальных групп. Вместе с тем, следует заметить, что в последнее время несколько оппозиционных партий прилагают усилия к созданию оппозиционного фронта по образу правящего альянса, включающего в себя тринадцать отдельных политических организаций, только одну из которых (ОМНО) можно с уверенностью назвать общенациональной партией. Но в силу неконкурентоспособности в ресурсах с правящим альянсом, который уже на протяжении нескольких десятилетий с успехом использует стратегию этнического патронажа в целях мобилизации избирателей в свою поддержку [Gilomee, Simkins, 1999, p.138], вероятность успешной кооперации между разными оппозиционными организациями не представляется высокой.

Однако имеется случай успешной координации между оппозиционными партиями в условиях ресурсной бедности перед инкубентом. Именно так, то есть в результате кооперации оппозиционных сил, пал режим с доминантной партией (Кенийский Африканский Национальный Союз) в Кении [Van de Walle, 2002, p.69]. Хотя до этого действующий Президент Д.Мой выигрывал выборы 1992 и 1997 годов с результатом всего 36 и 40 процентов соответственно. Так происходило потому, что кенийское население состоит из нескольких примерно равночисленных этнических групп, которые зачастую не сильно склонны к сотрудничеству друг с другом. Оппозиционные партии тоже были разделены по этническому признаку, представляя разные

народности. Однако в ходе президентских выборов 2002 года оппозиции удалось создать объединённый альянс из тринадцати партий, включавший представителей практически всех сколько-нибудь крупных народностей и нацеленный против кандидата-инкумбента, представителя КАНС Д.Моя.

Как справедливо указывает Г.Кокс [Сох, 1997, р.166], когда режим с доминирующей партией твёрдо стоит на ногах, прагматически-ориентированные политики будут вступать либо в доминантную партию, либо вообще не будут связывать себя партийной принадлежностью как таковой. Таким образом, заинтересованные в политической карьере люди, нацеленные на становление себя в качестве публичного должностного лица, с большей вероятностью будут вступать в доминантную партию и при этом не будут создавать новую, так как существует авторитарный режим и правящая партия имеет фактически монопольный доступ к государственным ресурсам.

В результате политики, заинтересованные исключительно в получении политической должности, с большей вероятностью будут согласны участвовать в трудной конкуренции за официальное выдвижение от доминантной партии, нежели вступать в оппозиционные структуры, где им партийная поддержка будет заранее гарантирована. Другое дело, что политический класс как таковой всегда состоит не только из сугубо прагматически-ориентированных людей, но также включает в себя немало и таких людей, для которых карьерные и материальные стремления не так важны или вообще не важны. В противном случае все режимы с доминирующей партией неизбежно вырождались бы в однопартийные системы.

Второе важное преимущество, вытекающее из неравенства в ресурсах между властью и оппозицией, касается не столько представителей политической элиты, как первое, сколько рядовых избирателей. Доминантные партии в условиях авторитаризма зачастую

обеспечивают собственную устойчивость собственной гегемонии за счёт так называемого патронажа, распределения материальных выгод, направленных на завоевание электората как среди определённых социальных групп, так и среди всего населения в целом.

Патронаж в данном случае определяется как стратегия неявной «покупки» [Greene, 2007, p.40] голосов избирателей путём распределения среди граждан материальных благ от лица правящих групп в целом и доминирующей партии в частности, заинтересованных в мощной электоральной поддержке, способной обеспечить их дальнейшее, желательно безальтернативное, пребывание у руля государства.

Как правило, доминантные партии создают специальные распределительные сети для реализации стратегии патронажа. Примеры подобных структур можно найти в мексиканских отраслевых организациях времён господства ИРП, а также в Малайзии периода доминирования ОМНО. В первом случае эти отраслевые сети включали в себя рабочих разного профиля, крестьян и фермеров, занятых в сельском хозяйстве, а также государственных служащих как основы городского среднего класса [Cornelius, Craig, 1991]. Во многом похожую на мексиканскую организационную систему распределения патронажных благ использует до сих пор и малайзийская ОМНО [Crouch, 1996, p.62]. Нетрудно догадаться, что привлекательность материальных выгод будет выше оцениваться относительно бедными и малообеспеченными слоями населения [Magaloni, 2006, p.23], для которых выигрыш от каждой дополнительной получаемой ими единицы патронажного блага существенно превышает аналогичную величину для богатого избирателя [Kitschelt, 2000]. Именно поэтому развёртывание успешной социально-экономической модернизации в перспективе может снижать эффективность применения стратегии патронажа и как следствие подорвать позиции доминантной партии в силу

того, что в результате такого рода процессов бедные слои общества нередко значительно улучшают собственное материальное положение.

В то время как оппозиционные партии в условиях рассматриваемых режимов значительно удаляются от предпочтений медианного избирателя, доминантные партии наоборот тяготеют к минимизации собственной идеологизированности, наибольшей всеохватности и стремятся к вовлечению в свою электоральную орбиту как можно большего числа избирателей, вплоть до 80%-90% от их общего числа. Вполне естественно, что для выполнения таких заоблачных целей партия вынуждена прибегать не столько к идеологическим инструментам мобилизации электората, сколько к иным, зачастую не вполне законным механизмам, в частности к пресловутому патронажу.

В случае успешного применения данной стратегии доминирующая партия завоёвывает широкий центр (или формирует своеобразную «коалицию целого» [Collier, 1992] и привлекает на свою сторону подавляющее большинство представителей всех сколько-нибудь значимых в общенациональном масштабе социальных и экономических групп населения. Будет уместным отметить, что именно таким образом многие доминантные партии обеспечивали собственную устойчивую гегемонию в условиях авторитарных режимов.

В этом смысле доминантная партия обычно и позиционирует себя в качестве центра политического пространства [Cheng, 2001], тем самым, смягчая, частично элиминируя общественные конфликты («cleavages» [Липсет, Роккан, 2004]) путём задействования гибкой системы распределения материальных выгод среди разных социальных слоёв и представительства их интересов через артикулирование проблем [Arian, Barnes, 1974, p.603], которые являются значимыми для той или иной группы граждан.

Нетрудно обратить внимание на то, что в случае рассмотрения второго преимущества в отличие от первого речь идёт не о ресурсной несостоятельности оппозиции, а, напротив, о колоссальных по объёмам и разнообразию ресурсах, которыми имеет возможность распоряжаться доминантная партия в целях вовлечения в свою электоральную орбиту как можно большего числа избирателей. Таким образом, если первое преимущество косвенно сохраняет статус-кво посредством сведения к минимуму вероятности усиления конкуренции правящему режиму со стороны оппозиции, то второе прямо нацелено на обеспечение долговременного авторитарного доминирования путём опоры на электоральную поддержку среди населения.

Контроль над электоральным процессом и характер применения репрессий

Вообще немалую роль в существовании такого рода широких ресурсных возможностей в руках режима с доминирующей партией играет практически полный политический контроль над бюрократией со стороны правящего класса. Особо следует отметить в этом отношении отсутствие независимости судебной системы и подконтрольность избирательных комиссий или в широком смысле органов, непосредственно занимающихся проведением выборов.

В этой связи одним из самых популярных объяснений долговременного функционирования автократий с доминирующей партией выступает тема несвободных и (или) несправедливых выборов. Сюда относится широкий ряд вопросов: это и существенный перевес инкумбента в присутствии в информационном пространстве, это и негативное освещение ведущими средствами массовой информации кампаний оппозиционных партий и кандидатов, это и подчёркнуто позитивное освещение кампаний доминантной партии и её кандидатов, это и подкуп

избирателей на участках, и манипуляции с подсчётом бюллетеней, и фальсификации в целом.

Однако непосредственно прямые фальсификации результатов выборов, равно как и репрессии против оппозиции, не играют главенствующей роли в поддержании режима с доминирующей партией [Magaloni, 2006, p.12]. Что касается фальсификаций, то выдвинутое выше утверждение отнюдь не означает того, что такого рода системы не прибегают к фальсификациям. Но их применение в абсолютном большинстве подобных случаев нацелено не на достижение победы на выборах как таковой, которая была бы невозможна без фальсификаций.

Дело в том, что огромный перевес в ресурсах, который имеется у доминантной партии перед оппозиционными акторами (даже вместе взятыми), позволяет режиму мобилизовывать избирателей в свою поддержку путём распределения среди них определённых материальных выгод (то есть задействования стратегии патронажа) и, тем самым, выигрывать выборы до их проведения [Greene, 2007, p.43].

Отсюда возникает и преимущество в голосах, которое чаще всего очень велико и без использования фальсификаций. Другое дело, что на стадии падения режима в силу уже недостаточного перевеса в ресурсах над оппозицией, которая при этом начинает реально претендовать на завоевание симпатий медианного избирателя, доминантная партия может прибегать к фальсификациям как раз с целью избежать поражения и обратить результаты выборов в свою пользу, как это было, например, в Мексике в 1988 году. Об этом будет подробно сказано несколько позднее.

В тоже время в период стабильного функционирования режимов с доминирующей партией фальсификации, как правило, используются в целях увеличения отрыва от конкурентов и (или) преодоления некоего заранее заданного рубежа, например, в 80% голосов избирателей. Также весьма часто целью выступает завоевания такого большинства мест,

которое позволяло бы партии единолично принимать и изменять любые законы, в том числе Конституцию. Но и без этого для такого рода режимов получение сверхбольшого процента голосов на выборах и создание значительного отрыва от оппонентов бывает зачастую жизненно важно.

Во-первых, это предотвращает расколы внутри элиты и фактически устраняет возможность ухода из доминантной партии в оппозиционные прагматически-ориентированных политиков. А во-вторых, это удерживает массового избирателя от голосования за оппозиционные партии, так как невысокий процент, полученный ими на выборах, в случае применения фальсификаций, становится ещё меньше.

Таким образом, на электоральном поле создаётся квази-безальтернативность, которая психологически воздействует как на избирателей, многие из которых не имеют рациональных стимулов голосовать за подобных «лузеров», так и на представителей элит, которые ясно осознают выгоды своего пребывания в рамках доминантной партии, чем за её пределами.

Широкое задействование механизма фальсификаций, применение которых обеспечивало бы победу доминантной партии независимо от того, как на самом деле проголосовали избиратели, невозможно в условиях авторитарного режима с доминирующей партией, так как в этом случае он перестанет быть таковым и превратится в однопартийную систему без всяческой легальной политической конкуренции [Ibid, p.42]. А отсутствие возможностей для оппозиция участвовать в выборах (пусть и несправедливых) вынудит её быть антисистемной и существовать в форме радикальных революционных движений [Ibid, p.62].

Весьма часто такого рода партии выигрывают выборы до дня голосования, о чём уже раньше упоминалось, и с весьма большим отрывом от своих конкурентов, что не ведёт к потребности по крайней мере широко задействовать такой инструмент, как фальсификации. До экономического

кризиса, разразившегося в 1982 году, мексиканская ИРП именно так и оставалась у власти от выборов к выборам, так как могла обеспечить себе уверенную победу более мягкими и надёжными способами.

Достижение повышенных процентов явки на выборы и аналогично стабильно высоких процентов голосов, поданных в поддержку доминантной партии призвано сформировать определённые устойчивые ожидания – как на уровне политической элиты, так и среди рядовых избирателей. Содержание этих ожиданий во многом можно свести к стремлению продемонстрировать безальтернативность на политической арене и по сути отсутствие выбора партии или иных политических организаций для обычных прагматически-настроенных политических акторов, стремящихся во власть не столько ради осуществления программных задач в интересах избирателей, сколько в целях достижения собственных выгод, как материального, так и нематериального характера. Если же касаться уровня рядовых избирателей, голосующих за партии и кандидатов на выборах, то в данном случае достижение высоких показателей явки призвано обеспечить авторитарному режиму демократическую легитимность.

В то же время завоевание высокого процента голосов в пользу доминантной партии и обеспечение огромного отрыва от конкурентов нацелено на формирование образа доминирующей партии как «непобедимой электоральной машины» [Magaloni, 2006, p.9]. Длительность и устойчивость такого рода ожиданий значительно снижает вероятность сколько-нибудь успешной координации между гражданами, которые не склонны поддерживать действующую власть или, по крайней мере, имеют к ней некоторые претензии. Иными словами, граждане как рациональные индивиды боятся быть проигравшими, постоянно голосуя за вечных «лузеров». К тому же успешная реализация стратегии патронажа, что имело место, например, в случае мексиканской Институционно-

Революционной партии, ставит целью привлечь избирателя на сторону доминирующей партии как единственной политической силы, способной реально гарантировать определённые материальные выгоды для тех, кто за неё проголосует.

Выборы 1988 года в Мексике были первым полноценным конкурентным электоральным событием за очень долгое время и они не обошлись без фальсификаций в пользу правящей ИРП, в чём нет сомнений со стороны многочисленных наблюдателей, журналистов и аналитиков, а также тогдашнего президента М. де ла Мадрида, который подтвердил факт фальсификаций в своих мемуарах [Thompson, 2004]. На тех выборах фальсификации главным образом были нацелены на устранение угрозы свержения действующей власти в лице К.Салинаса со стороны кандидата от оппозиционной Партии демократической революции К.Карденаса, который в итоге по официальным результатам получил чуть больше 30% голосов избирателей, тогда как К.Салинас довольствовался куда более внушительным результатом, чуть превышавшим 50% голосов избирателей.

С углублением финансово-экономического кризиса, начавшегося в 1982 году, а в политическом выражении – с президентских выборов 1988 года безоговорочная гегемония ИРП уже не выглядела такой уверенной и незыблемой, что вполне естественно привело к куда более активному применению прямых электоральных фальсификаций, чего до этого почти не наблюдалось. Следующие 12 лет, вплоть до 2000 года, партия постепенно утрачивала доминирующее влияние в мексиканской политике, конечным событием чего стала потеря ИРП поста президента, которым в 2000 году стал В.Фокс, кандидат от оппозиционной Партии национального действия.

Масштабы нарушений в ходе избирательных кампаний не остаются стабильными даже в рамках одного и того же режима. Дело в том, что когда политическая конкуренция становится острее и существуют сильные

альтернативы инкумбенту из стана оппозиции, а в социально-экономическом плане наблюдается отрицательная динамика, то при прочих равных, режим будет больше задействовать прямые и косвенные усилия по искажению предпочтений граждан. В условиях же, когда сколько-нибудь заметных угроз гегемонии доминирующей партии не наблюдается, оппозиция крайне слаба и не нацелена на успех, а экономика находится на подъёме, то, естественно, стоит ожидать невысокого уровня такого рода нарушений и манипуляций в силу заинтересованности режима в признании его относительной демократичности, в том числе, со стороны международной общественности.

Именно поэтому в случае Мексики правильнее говорить о том, что фальсификации стали активно использоваться партией-инкумбентом, когда пребывание её у власти было поставлено под угрозу, а именно в поздние 1980-е и в 1990-е годы [Eisenstadt, 2004]. В то же время пример Мексики показывает, что период значительных электоральных фальсификаций фактически предварял окончательный закат авторитарного режима с доминантной партией. Тем самым, можно рационально предполагать, что власть, основанная исключительно на фальсификациях, не может существовать сколько-нибудь продолжительное время, так как население, как правило, не признаёт легитимность такого рода правления.

Теперь следует немного сказать и о роли репрессий. Здесь всё ещё более очевидно. Репрессивные практики, направленные против оппозиционных режиму активистов, во многих режимах с доминирующей партией являются достаточно распространённым делом. Они, как и исключительный доступ доминантной партии к ресурсам государственного сектора, нацелены на рост издержек участия, а следовательно, и предотвращение этого самого участия в деятельности оппозиционных структур со стороны широкого слоя прагматически-ориентированных людей [Greene, p.35].

Как следствие через увеличение издержек участия в борьбе против действующей власти оппозиционные организации превращаются в ресурсно-бедные структуры и становятся привлекательными лишь для идеологически-ориентированных членов, для которых приоритетными являются не прагматические цели прихода к власти, а возможности выражения собственных политических взглядов и выражения своей гражданской позиции. Как правило, именно такие люди готовы нести большие издержки по участию в оппонировании режиму, но зато занимают принципиально нелояльную позицию по отношению к действующей власти и располагаются достаточно далеко от предпочтений медианного избирателя в рамках политического спектра.

Заключение в тюрьму оппозиционных политических активистов, разгоны оппозиционных митингов, в целом силовое воздействие на оппонентов режима или поддержание значимых реальных угроз подобных действий со стороны государственных органов? А также изредка случающиеся убийства представителей оппозиции [Mabry, 1973, pp.59-60] – наиболее распространённые формы репрессивных практик в условиях авторитарных режимов. В то же время «порог» применения подобных действий, установленный таким полуавторитарным для оппозиции, находится куда дальше, чем в полностью авторитарных режимах.

При этом частота и жёсткость репрессий не должна создавать стимулы по неучастию в оппозиции сразу для всех граждан, даже для сильно идеологизированных и радикально настроенных по отношению к режиму. В такого рода системах, как правило, число политических заключённых обычно невелико, а убийства по политическим мотивам происходят ещё реже. Этим авторитарные режимы с доминирующей партией отличаются от чистых авторитарных или тоталитарных режимов, в которых любое оппонирование действующей власти воспринимается как

угроза существования государства [Greene, 2007, p.45], и, следовательно, любой акт несогласия с режимом должен пресекаться.

Кроме того, в условиях режимов с доминантной партией чаще всего задействие этого инструмента носит ограниченный, избирательный и не-повседневный характер [Feher, Heller, Markus, 1983, pp.159-165]. В противном случае издержки деятельности оппозиционных партий и движений перестанут быть барьером только для рационально мыслящих акторов и станут запредельными в том числе для идеологически-ориентированных граждан, готовых жертвовать репрессиями ради своего принципиального несогласия с существующим статус-кво.

Широкое использование режимом репрессивных мер против своих противников будет порождать у последних либо значимые стимулы по неучастию в оппонировании доминантной партии, либо будет приводить к радикализации оппозиции [Greene, 2007, p.35] и как следствие порождать угрозу революционной насильственной ликвидации действующего режима, чего он, разумеется, не желает.

Первый вариант в перспективе может вылиться в превращение полуавторитарного режима с доминантной партией в фактически однопартийную авторитарную систему, что абсолютно невыгодно для такого рода режима, заинтересованного в сохранении видимости демократических институтов, пусть зачастую и выполняющих сугубо фасадные функции. Это - многопартийность и регулярные выборы на альтернативной основе, которые обеспечивают системе определённый уровень легитимности как внутри страны, так и за её пределами, что тоже немаловажно.

Таким образом, и фальсификации, и репрессии накладывают дополнительные издержки на формирование и поддержание оппозиционных партий в качестве сильных конкурентоспособных структур. Если фальсификации воздействуют на всё это косвенно путём

снижения вероятности победы оппозиции на выборах, то репрессии напрямую снижают привлекательность стратегии открытого оппонирования режиму.

В целом же авторитарные режимы с доминирующей партией на практике являются наиболее устойчивой разновидностью различных форм автократического правления. Создавая режим с доминирующей партией, политические акторы, заинтересованные в этом, обеспечивают относительно более высокую устойчивость авторитарных режимов в сравнении с персоналистскими [Gel'man, 2008, p.917] и долговременное сохранение статус-кво путём консолидации всех значимых с точки зрения владения ресурсами политических акторов и снижения неопределённости для режима в целом.

Устойчивость режимов с доминирующей партией обеспечивается сохранением её противозаконного монопольного доступа к разного рода государственным ресурсам [Greene, 2007, p.148], которые она переводит в патронажные блага для мобилизации избирателей, и применением авторитарных методов управления государством, включающих репрессивные практики и несправедливый характер выборов.

Список использованной литературы

1. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей [Текст] / Сеймур М. Липсет, Стейн Роккан // Политическая наука. - 2004. - №4.

2. Arian A., Barnes S.H. (1974) *The Dominant Party System: a Neglected Model of Democratic Stability* // *The Journal of democracy*, 36.
3. Cheng T. (2001) *One-Party Hegemony and Democratic Transition: Comparing Mexico, Taiwan and Turkey* // *Conference on The Rise of the DPP and PAN in Taiwan and Mexico*, Duke University.
4. Collier R.B. *The Contradictory Alliance: State-labor Relations and Regime Change in Mexico*, University of California (Berkeley), 1992.
5. Cornelius W., Craig A. *The Mexican Political System in Transition*. Center for U.S.-Mexican Studies, 1991.
6. Cox G. *Making Votes Count*, Cambridge University Press, 1997.
7. Crouch H. *Government and Society in Malaysia*, Cornell University Press, 1996.
8. Diaw A., Diouf M. *The Senegalese Opposition and its Quest for Power* // Olukoshi A.O. (ed.) *The Politics of Opposition in Contemporary Africa*, Nordic Africa Institute, 1998.
9. Eisenstadt T. *Courting Democracy in Mexico: Party Strategies and Electoral Institutions*, Cambridge University Press, 2004.
10. Feher F., Heller A., Markus G. *Dictatorship over Needs*, Basil Blackwell, 1983.
11. Giliomee H., Simkins C. *The Awkward Embrace: One-party Domination and Democracy*, Harwood Academic Publishers, 1999.
12. Greene K.F. *Why Dominant Parties Lose?: Mexico's Democratization in Comparative Perspective*. Cambridge University Press, 2007.
13. Huntington S.P., Moore C. *Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-party Systems*, Basic Books, 1968.
14. Kitschelt H. (2000) *Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities* // *Comparative Political Studies*, 33.
15. Mabry D. *Mexico's Accion Nacional: A Catholic Alternative to Revolution*, Syracuse University Press, 1973.

16. Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*, Cambridge University Press, 2006.
17. Mauzy D.K. (2006) *The Challenge to Democracy. Singapore's and Malaysia's resilient hybrid regimes* // *Taiwan Journal of Democracy*, 2.
18. Stone W.J., Maisel L.S., Maestas C.D. (2004) *Quality counts: Extending the strategic politician model of incumbent deterrence* // *American Journal of Political Science*, 48.
19. Van de Walle N. (2002) *Africa's Range of Regimes* // *Journal of Democracy*, 13.
20. Zaller J. (1998) *Politicians as Prize Fighters: Electoral Selection and Incumbency Advantage* // 1998 Annual Meeting of the American Political Science Association, Boston MA.